

СЕМЕЙНО-РОДОВАЯ ПАМЯТЬ: ВРЕМЕННЫЕ ИПОСТАСИ И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ

Семейно-родовая память соединяет высшие уровни социальной памяти и индивидуальную память человека, актуализирует прошлый опыт поколений и является мощным ресурсом корректировки будущего. Опора на знание ресурсных возможностей семейно-родовой памяти определяет успешность политики и благополучие будущего общества.

Ключевые слова: семейно-родовая память; социокоды памяти; мнемические следы.

Исследования социальной памяти в социологическом и в философском дискурсах наталкиваются на ощущение распада ее постоянства. Основа памяти – воспоминания, временные процессы, когда в актуальном настоящем человеку открывается социальный опыт через ментальные каналы, пропитанные энергией чувств, пережитых в прошлом общностью (этнической, территориальной, кровнородственной). Проблема оперирования ипостасями времени – в генерализации прошлого, уклонении от задач настоящего, беспомощной слепоте в отношении будущего.

Любая общность насчитывает несколько поколений мертвых предков, которые «населяют» область бессознательного и управляют этой ментальной территорией. Г. Лебон считал, что судьбой народа руководят в гораздо большей степени умершие поколения, чем живущие [1]. Они нормируют физическую организацию через субъектов взаимодействия, «внушают» свои мысли идеологическим структурам. Живые несут бремя ошибок предков, празднуют триумфы после их подвигов. Социальная память становится заложницей идеологических интерпретаций.

Первым исследованием памяти с позиции социально-исторического подхода стала работа М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти» (1925 г.), который обосновал понятие «коллективной памяти» как социального конструкта, создающегося или изменяемого в соответствии с системой ценностей и «писаной» историей. «Социальные рамки», «ориентиры» настоящего обуславливают процессы запоминания и забывания, формируют пространство, конституируют время, на них накладывает отпечаток функционирование языка. Социальная функция памяти – конструирование «рамки» эпохи [2]. История – это собрание очевидных фактов, которые актуализируются в коллективном сознании, «когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память» [3].

Социальность памяти выделяет человека из мира природы. С одной стороны, он – часть этого мира и ощущает свою сопричастность с ним. Его память ежеминутно фиксирует, запечатлевает и отправляет в хранилище опыта все мимолетные явления жизни. С другой стороны, этот опыт в процессе взаимодействия приобретает значимость капитала памяти, позволяет человеку осознавать свою уникальность, использовать волю и жизненный потенциал для дальнейшего социального творчества. По мнению О.Т. Лойко, это дает индивиду возможность «ощущать себя человеком вечности», вместить в себя все ипостаси времени [4, 13].

Социальная память – сложно структурированный элемент духовной жизни общества. Ее «теоретическое

ядро» представлено коллективным опытом человечества, сформированным в процессе развития науки, философии, искусства, образных представлений о мире. В содержание социальной памяти включается информация, зафиксированная в предметах материальной культуры, в сложившихся социальных отношениях, в практических нормах поведения, навыков трудовой деятельности и в других воспроизводимых с помощью традиции социальных связях и структурах [5. С. 44–45].

Структура социальной памяти может быть представлена как соотношение асимметричного единства центра (ядра) социальной памяти, определяющего ее парциальность, и периферии, находящихся в постоянном взаимодействии. «Центр представляет собой наиболее артикулированные, отстоявшиеся ценностно-нормативные феномены, образующие основу общего в самой социальной памяти. ...Периферия может включать все бесконечные вариативно-модальные возможности бытия социальной памяти на индивидуальном и групповом уровнях» [6. С. 16]. Во времена кризиса происходит агрессия периферийной части памяти в центр, в результате чего в ядре закрепляются новые смыслы и варианты социального действия. Это значит, что социальная память не может считаться некой статичной глыбой опыта. Она подвижна, обладает способностью эволюционировать.

С середины XX в. развернулась дискуссия вокруг проблемы взаимодействия уровней социальной памяти (индивидуальной и коллективной). Мы считаем, что память представляет собой многоуровневую структуру: память человечества, социальная память общностей, семейно-родовая память кровнородственных союзов, индивидуальная память человека.

Семейно-родовая память связывает, согласует индивидуальный уровень и высшие слои социальной памяти. Анализ ее смыслов позволяет найти инструмент для понимания актуального настоящего членов общности. Она сглаживает разрыв между исторической памятью общности и памятью человека, выравнивая противоречия личностного и общественного нейтрально-родовым, основанным на родственных чувствах, наполняющих событийность прошлого и настоящего особым личностно-значимым смыслом. Совокупность и дифференциация этих смыслов наполняют содержанием коллективные переживания, являющиеся основой для исторической памяти.

В своих структурах (объем, ресурс, историческая глубина, длительность, импульсы, границы, фильтры, социокоды) семейно-родовая память сохраняет социально ценную информацию для будущих поколений. Все открытия будущего покоятся в глубинах прошлого,

социальный опыт предков наполняется актуальным содержанием для выживания потомков.

Наряду с новационной, избирательной (творческой) социальная память выполняет стабилизирующую функцию, защищающую общество от катаклизмов революционных изменений. Она сохраняет в своей словесной форме бытия необходимые правила отношения к миру, передавая их потомкам. В.А. Колеватов определяет эту специфику социальной памяти как «средство сохранения социально-значимой информации, без которого невозможно существование коллективов, социальных групп, всего общества в целом» [7. С. 74].

Историческая память – проблемная зона социокультурной сферы. Всегда есть угроза, что недальновидные политики начнут что-то корректировать для «правильного» понимания исторических событий. Тогда внимание членов общности переключается на эти коррективы. Процессы осознания настоящего и формирования будущего тормозятся, прошлый опыт теряет устойчивость, последующие поколения не принимают его безусловно («на веру»): всегда сохраняется опасность того, что этот опыт или его часть будет подвергнута реформации. Если в настоящем у общности нет значительных достижений, то становится нормой регулярно переживать прошлые победы, отвергать адекватную рефлексию настоящего, отодвигая на второй план заботу о будущем. Однако в структуре памяти существуют стабилизирующие элементы, возвращающие любые манипуляции с памятью к своему основанию – истине, глубинным смыслам понимания населением событийности прошлого. Это **социокоды семейно-родовой памяти**, которые содержат социокультурные и смысловые начала общности, на них основаны ментальные и поведенческие особенности населения.

Понятие социокода как механизма культурного наследования сформировалось в отечественной социологической науке благодаря исследованиям М.К. Петрова. «Начала», по его мнению, должны иметься у всего сущего, они уходят глубоко в прошлое, объясняют историю становления события, факта, вещи. М.К. Петров обращает внимание на внебиологичность и вневременность социокодов, архивирующих и транслирующих социальную информацию. С помощью механизмов трансляции и трансмутации обеспечивается архивация и модернизация смыслов социокода [8].

Социокод семейно-родовой социальной памяти – способ существования «социально-генетической» памяти, определяющий трансляцию социокультурных механизмов развития и закрепления социального опыта членов общности. Социокод есть устойчивое ядро семейно-родовой памяти, обеспечивающее стабилизацию дальнейших новообразований и смыслов социальной памяти общности, это первооснова сложных социальных программ трансляции и преемственности социального опыта предков.

Социокод – неосознаваемый элемент коллективного сознания, который содержит событийный, персонифицированный источник, наполненный энергетическим и сакральным смыслом. Конвенциональный характер социокода проявляется в том, что члены общности соглашаются с информацией, которую содержит социокод (о первопобедах предков, об уникальности общности, о родона-

чальниках, о пролитой крови как информации о едином генокоде). Данный смысл, в свою очередь, влияет на определение членами общности своей идентичности, определяет особенности обыденного сознания, на основании образов которого члены общности принимают жизненно важные решения. Поэтому социокоды дают ключ к пониманию рефлексий общности на исторические и политические события. Понимание смыслов социокодов помогает предсказывать успех или провал политических решений власти.

В качестве интегрирующего ядра семейно-родовой социальной памяти сохраняет первособытия, которые определяют основной социокод памяти. Встроенный в структуры семейно-родовой памяти социокод оказывает влияние на поведение населения, на понимание сути политических решений правящих элит и институтов власти. Опора на социокоды является условием успешности существования политических элит. Согласно социокоду памяти общность выстраивает векторы массового поведения и рефлексий (поддержка или отторжение, саботаж) политических нововведений. Если такие решения были приняты без учета глубинных смыслов социальной памяти, то неизбежны социальные катастрофы, затрагивающие все стороны социокультурной жизни общности. Это можно видеть на примерах раскрестьянивания и расказачивания русских во время коллективизации, насильственного окатоличивания сербов в 1942 г., присоединения к России земель, населенных потомками основателей Речи Посполитой, и т.п. Насильственные изменения в социокультурной сфере ведут к конфликту со смыслами социокода, которыми наполнены повседневные практики людей. Все, что разрушает мир повседневности, противоречит смыслам социокодов (например, искусственная модернизация общества), вызывает открытый или молчаливый протест. Такие решения и программы, как правило, обречены на неудачу (например, коллективизация противоречила социокоду крестьянственности, практически уничтожила сельское хозяйство страны).

Функционирование структур памяти осуществляется за счет механизмов преемственности, социального наследования, межпоколенного взаимодействия, трансляционных и трансмутационных процессов. Актуальное настоящее общности защищено от социальных катаклизмов, если ее члены имеют свободный доступ к мнемической информации, живут в согласии со своим прошлым независимо от степени его успешности или трагичности. Однако социальная реальность лишена идеально правильных картин. В этой реальности социальная память не есть однородная субстанция, наполняющая коллективное сознание согласием и благочинностью. Во-первых, на ментальном уровне структуры социальной памяти образуют область коллективного бессознательного, которое трудно поддается рациональному анализу. Во-вторых, на социальном уровне память о прошлом дифференцирована: в разных слоях социальной структуры люди по-разному помнят об одном и том же событии, по-разному его интерпретируют. Формируется многослойная правда, и ни один субъект не может претендовать на истинность своих представлений об исторической событийности. В-третьих, социальная память наполняет структуры

обыденного сознания, почитающие за истину полезность опыта, а не его научную достоверность. Историки не вправе упрекать человека за то, что он помнит что-то не так, как это зафиксировала официальная историческая наука. Каждый имеет право на индивидуальную память, цементирующую событийность в семейных легендах и анекдотах, которые запоминаются надежнее, чем тома исторических хроник; семейные предания обладают высокой степенью кредитности. Эту особенность личных документов, содержащую, кроме возможных ошибок памяти, истинность ее смыслов, объяснял с позиций феноменологического анализа Ф. Знанецкий: «Мы не можем говорить... об истинных или неистинных утверждениях, поскольку утверждение – это факт, имеющий только то значение, которое вкладывал в него автор» [9. С. 108].

Несовершенство памяти человека не влияет на истину смыслов общности. Эта обремененная ошибками, реконструкциями, пятнами забвения личная память при функциональном посредничестве семейно-родовой памяти формирует поле социальной памяти общности, отражающее специфику социокультурной реальности, заполненную уплотнениями, пустотами, неровностями, свидетельствующими о травмирующих событиях, несогласии с их официальной интерпретацией. Пустоты несогласия отражают забывание фактов, заполняются мифами, искажающими реальность прошлого, эмоционально окрашенные воспоминания указывают на внутреннее сопротивление восприятию фактов истории, которые кристаллизуются в виде мнемических меток («следов памяти»).

Мнемические следы являются основами, своеобразной канвой, переплетающей основные события-вехи формирования социальной памяти общности. В точках этих «меток» возникает особое эмоциональное и энергетическое напряжение коллективного бессознательного. Такие следы материализуются в форме нарративов, памятных мест, повседневных практик, подчеркивающих особенности идентичности, воспоминание об этих событиях не теряет яркости переживаний независимо от временной удаленности.

Обычно память представляется последовательностью событий, оформленной, например, в генеалогический нарратив семейно-родовой памяти, который должен соответствовать определенной концепции изложения и составлять основную канву мнемических интерпретаций. То, что не укладывается в эту концепцию, переосмысливается или передается забвению, вытеснению. Однако сильная энергетика коллективного несогласия с событием оставляет след, метку, заполняющую пустоту на ткани памяти (мифы, сакральные тайны, противоречащие логике событийности). Эти противоречия вызывают мнемический дискомфорт, который современники стараются преодолеть, восстанавливая, удерживая, репрезентируя в социальной памяти «следы» утраченных событий, социального коллективного или индивидуального опыта. Эти следы обретают форму образа и обладают способностью вызывать ощущения, чувства. Коллективное бессознательное оказывается в ловушке таких образов. Эмоциональные сопротивления действию мнемического дискомфорта порождают сопротивление мнемических следов, кото-

рые адаптируются к новым реальностям, мутируют, искажают реальности прошлого, но проявляются в знаковых и семантических структурах социальной памяти и социальной реальности группы.

Мнемическое сопротивление сигнализирует о защитной реакции, но если общность защищает интерпретации, искажающие прошлое, она выбирает ошибочный (патологический) путь будущего, чреватый неудачами и катаклизмами. Если общность встает на защиту первоначальных (чистых, не искаженных интерпретациями) смыслов, она сохраняет себя в гармонии с первоисточками семейно-родовой социальной памяти (социокодами), с основными смыслами развития, дальнейшего благополучия и процветания. Там, где существует сопротивление, – гноится рана. Такое событие – первое, что вспоминают члены общности, выбирая его из череды исторических событий. К этому событию, как правило, потому начинают обращаться с особой настойчивостью, не замечая более актуальных задач жизни.

Социальная память в этом смысле обладает терапевтическим действием на коллективное сознание в ситуациях, когда властные институты принуждают к забвению группы неугодных личностей или связанные с ними события, неудобные для власти. Защитный механизм социальной памяти действует по принципу: чем сильнее действие, тем более мощным становится противодействие. Чем непопулярнее действие социальных институтов и властных структур, тем сильнее эмоции и коллективные настроения подпитывают поле социальной памяти, что усиливает ее защитные свойства. Чем выше энергетический и духовный уровень запрещаемых событий и категорий населения, приговоренных к забвению, тем больше сил у памяти сопротивляться властным решениям. Чем больше категорий населения депривированы властью, тем больше энергии эти события придадут социальной памяти, которая их зафиксирует, сохранит рецепты противодействия этим решениям и образцы выживания в кризисных условиях, оставит метки и следы.

Следы памяти сохраняются: а) на микроуровне в личных биографиях или историях семей, повседневных практиках; б) на макроуровне в коллективном сознании общности. При этом на макроуровне след памяти имеет свойство длительного удержания в коллективном сознании (легенды, фольклор). Коллективное сознание сохраняет следы памяти в произведениях народного и профессионального художественного творчества как рефлексию на травмирующие события волевого характера. Например, народная частушка (куплет, эпиграмма, анекдот) в емкой и ироничной форме зафиксировала неодобрительное мнение населения о решениях властей. Смех – это феномен социальной сплоченности в ситуации невозможности открытого сопротивления из-за отсутствия ресурсов в атмосфере репрессий или террора. В смешных и язвительных куплетах позиционируется коллективное несогласие с действиями власти, демонстрируется дерзость понимания невозможности наказания автора куплета (народ). Поэтому социальная память, сохраненная в таких частушках, очищена от субъективности, ее невозможно ретушировать (из песни слова не выкинешь!).

Мнемические следы определяют будущее общности. Поэтому выбор политики памяти – важная страте-

гия, сопряженная с ответственностью властных институтов за дальнейшее благополучие общности. Это становится особенно актуальным в ситуациях, связанных с попытками «институционализации» забвения, односторонних интерпретаций прошлого, манипуляций с социальной памятью.

В политике памяти Д. Пробуцка выделяет две стратегии: это «идеология забвения» (игнорирование проблемы, пренебрежение ею) и «идеология упрёка» (постоянное раздражение раны, возвращение к болезненным событиям) [10]. Стратегия забвения, игнорирование проблемы болезненных воспоминаний имеет иллюзорные результативные возможности. Для членов общности неприятные события прошлого – это болезненный укол памяти. Жизни людей пропитаны событиями прошлого, которые затмевают их реальные цели и ориентиры. С другой стороны, политические элиты редко руководствуются стратегией правды памяти. Чаще всего они поддаются искушению совершить манипуляции с памятью. Стратегия упрёка, играя на болезненных воспоминаниях, создает благоприятные условия для социальной дезориентации человека. В результате общность обречена на невротическое, ирреальное настоящее, она живет с постоянной оглядкой на травмирующее прошлое, которое в любой момент может оказаться еще более опасным, если власть практикует политику «упрека памяти» с целью получения выгоды. Стратегии забвения или упрёка приводят к разрушению актуального настоящего общности. Построение благополучного будущего без осмысления неудобных и унижающих общность событий невозможно и чревато социальными катастрофами (например, попытками взять политический реванш).

Манипуляции стратегиями приводят к тому, что в коллективном бессознательном вырабатывается условный рефлекс, выраженный каким-либо идеологическим слоганом. Переключая внимание в актуальном настоящем на необходимость постоянных ситуативных реакций на политический или идеологический фон жизни, структуры власти блокируют построение благополучного будущего на основе осознания прошлого опыта. Идет аккумуляция опыта кратковременных ситуативных действий, который характеризуется фрагментарностью, не вырабатывает устойчивых позитивных социальных привычек у членов общности, мешает отстраниться от ситуации и критически осмыслить событие. Поэтому будущее или вообще не мыслится (на это нет времени), или наполняется иллюзорными опасностями, угрозами, «вражеским окружением».

Особенности функционирования социальной памяти предполагают формирование сбалансированной политики памяти, основанной не на стратегиях «упрека» или «забвения», но на адекватных, не зависящих от сиюминутных потребностей институтов власти интерпретаций событий прошлого. Попытка строить благополучное настоящее общности исключительно на прошлом (победоносном или унижительном для общности) деструктивна, она влечет формирование патологической истории, болезненной исторической памяти. Свобода интерпретаций событий прошлого вступает в противоречие с защитой права правды памяти. Это формирует неоднозначную мнемическую атмосферу, в которой

происходят как минимум два вида социальных процессов: 1) социально-политические и социально-культурные процессы, затрагивающие макроуровни социального взаимодействия; 2) процессы формирования идентичности и самосознания членов территориальной общности. Если первые определяют социальную политику, то вторые – отношение населения к формам и приемам осуществления социальной политики.

Мнемическая атмосфера – это элемент духовной среды общности, в которой люди воспитывают детей, передавая им основы понимания мира, характеристики идентичности, социальный опыт. В кризисные периоды жизни мнемическая атмосфера эмоционально окрашена, ее пронизывают разряды рефлексивного отношения социальных групп к происходящим или к происходившим событиям. Мнемическая атмосфера как бы «нависает» над социокультурной реальностью, наполняя ее импульсами к выбору форм социального взаимодействия с институтами власти, образования, семьи, религии. Это выражается в избирательности и селекции образов социальной памяти, событий и смыслов их интерпретаций, особенностей реконструкции этих событий. Бодрствующее сознание человека – это постоянный процесс восприятия, которое «соотносится только с настоящим. Однако заранее подразумевается, что это настоящее имеет позади себя бесконечное прошлое, впереди – открытое будущее» [11. С. 21]. Социальная память постоянно являет способность связывать рвущуюся ткань времени в процессе смены поколений.

Ткань социокультурной реальности обладает целостностью и плотностью при условии целостности пространства коллективного сознания и позитивной мнемической атмосферы, необходимой для нормального функционирования социальных общностей. Это означает, что население живет в понятном мире, семейно-родовая память функционирует нормально, опыт старших поколений беспрепятственно перетекает в жизненные стратегии и повседневные практики потомков. Воспоминания о событиях, относящихся к этим временам, отличаются подробным описанием ландшафтов проживания, перечислением семейного достояния. Нарративы характеризуются спокойным эмоциональным фоном и красочностью картин жизни, сохраненных в памяти информантов. Социальная память не отягощена неприятными жизненными событиями, информация, сохраненная в памяти, как правило, соответствует реальности.

Любое загрязнение мнемической атмосферы искажает социокультурное пространство, угрожает нормальному функционированию семейно-родовой памяти, разрушает однородность поля социальной памяти, которая перестает выполнять свою ведущую социальную функцию трансляции опыта старших поколений. Плотность полей социальной памяти изменяется вместе с искаженным социокультурным полем. Слоистая структура уровней социальной памяти формирует «воронку», в результате индивидуальный и семейно-родовой уровни социальной памяти прорываются в более высокие структуры социальной памяти и заполняют их своей искаженной информацией. Такие процессы возможны в результате стратегии забвения, когда властные институты инициируют «правильное»

определение акцентов на понимании политических событий в соответствии с генеральной идеологической или религиозной парадигмой. Целые области социального опыта блокируются, объявляются несоответствующими актуальному политическому направлению.

Временные ипостаси семейно-родовой памяти. Мнемическая атмосфера пропитывает социокультурное пространство, наполненное специфическим социальным временем. События, факты биографии, истории рода имеют свою календарно-временную фиксацию. Л.П. Швец выдвигает тезис о связи социальной памяти и времени, считая, что «данная категория отражает динамический аспект деятельности, ее разворачивание во времени» [12. С. 14]. С.В. Дементьева предлагает применять метод модальной методологии для изучения темпоральных ипостасей социальной памяти, которая связывает настоящее, прошлое и будущее, но при этом имеет три степени реальности [6. С. 15] с точки зрения опыта субъекта: абсолютная реальность, которую нельзя изменить, феноменация как неоднозначность настоящего с возможностью его фальсификации или подмены другим опытом, абсолютная нереальность гипотетического будущего. Ипостась будущего социальной памяти становится особенно интересной. Феномены культуры, описывая будущее, могут влиять на актуальное настоящее и формировать либо деформировать отдельные составляющие социальной памяти. Последнее обстоятельство возникает тогда, когда в памяти культуры оседают такие мифологемы, как «золотой век», «раньше все было лучше» и т.д. Можно с известной долей метафоричности сказать, что в этом варианте социальная память выступает как «воспоминание о будущем» [Там же].

Темпоральность семейно-родовой памяти — одна из ее характеристик, которая обозначает переживание времени общностью. Обращение человека к памяти — это социальное действие, необходимое для ориентации и адаптации в социальном пространстве. Импульсы памяти вызывают экзистенциальное напряжение. Это вызов будущего, на который надо дать ответ в настоящем, но опыт таких ответов хранится в прошлом. Будущее воспринимается как новая позиция настоящего.

Находясь в актуальном настоящем, члены социальной общности, как правило, не могут отразить поток событийности, процессы накопления социального опыта, связанные с ней. Для осмысления опыта памяти нужна отстраненность во времени, которая позволяет переосмысливать прошлое. Социальная память, функционируя в коллективном сознании общности, проходит процесс институционализации, растянутый во времени: одновременный (настоящее) и последовательный (от прошлого к будущему). Она встраивается в процессы духовной жизни общности, придает им разновекторное временное направление. В актуальном настоящем у человека должно быть время на осмысление опыта, которое возможно в комфортной для человека реальности. Память группы или отдельного человека, проявляя себя в настоящем, реконструирует прошлое. Прошлое и будущее как реальность в настоящем гипотетичны, недоступны человеку. Но в настоящем индивид может переосмыслить прошлое и наделить его новыми смыслами. В результате отношение к прошло-

му может измениться, что влечет за собой изменения будущего. Сотворение будущего — и реально (оно видится в категориях настоящего, если не найдены новые смыслы), и иллюзорно («степень абсолютной нереальности»). Социальная память и связанные с ее функционированием процессы забвения-воспоминания есть катализирующий фактор этих перемен.

Социальная память, функционируя в коллективном сознании общности, проходит процесс институционализации, растянутый во времени: одновременный (настоящее) и последовательный (от прошлого к будущему). Поток семейно-родовой памяти направлен из настоящего в прошлое, но также из прошлого в будущее: ради будущего функционируют ее механизмы трансляции и трансмутации. Так, семейно-родовая память содержит нормы прошлого и образы будущего социально позитивного поведения членов общности. Общность, которая испытывает страх будущего, легко управляема. Этот страх лишает общность жизнеспособности, социального иммунитета к воздействию кризисных ситуаций.

Будущее, воспроизводящее традиционные образцы поведения, можно назвать «старым». Повседневность определяет ход событий. Размеренный и устроенный быт территориальной или этнической общности не способствует радикальным изменениям в судьбах младших поколений. Когда людям хорошо живется, они о «новом» будущем не задумываются, сохраняя в своем сознании картину привычного предсказуемого будущего. Желание внутреннего покоя и стабильности медленно разрушает структуры «старого» будущего и неизбежно приводит к событиям травмирующего характера (нарастающее социальное напряжение, недовольство, влекущее политические кризисы, социальные революции, войны). В современной социологии такие события рассматриваются как социокультурная травма, которая трактуется как «социальный факт» в классическом, дюркгеймовском смысле. Это коллективный феномен, порождаемый разрушительными событиями. Социокультурная травма распространяется среди членов определенной группы, разделяющих этот факт. Приобретая характер факта, внешнего по отношению к каждому из них, травма интерпретируется и воспринимается группой как нечто, принуждающее и налагающее обязательства на их действия. Сфера культурных изменений считается наиболее травмогенной, где травмирующая ситуация разрушает «культурную ткань общества» и «как все феномены культуры, обладает сильнейшей инерцией, продолжает существовать дольше, чем другие виды травм, иногда поколениями сохраняясь в коллективной памяти или в коллективном подсознании, время от времени, при благоприятных условиях, проявляя себя» [13. С. 10].

Травматическая ситуация взрывает повседневную привычность, лишает будущее своей предсказуемости, активизирует коллективное сознание. В это время функционирующие каналы социальной памяти заставляют людей искать варианты изменения повседневной жизни. Неопределенность будущего стимулирует процессы возникновения социальных инноваций, новых социальных технологий семейного поведения, воспитания потомства, профессионального становления, политического участия — выживания в резко изменяю-

щихся условиях. Боль потерь, страдания от утраты привычных форм счастья – это чувства, тренирующие людей, необходимые для построения будущего. Будущее открывается в «момент истины», в периоды переживания общностью травматической ситуации.

В дальнейшем травматическая ситуация может де-структурировать повседневный мир людей, нарушая привычное тяготение к свойственному природе людей порядку, который дает ощущение экзистенциальной безопасности. Экстремальные социальные события (социокультурные, исторические травмы) не только существенно изменяют содержание семейно-родовой памяти, но оказываются некими «точками бифуркации» в основательных ее изменениях. Травматическая ситуация в идеале качественно переживается общностью, если она становится предметом дискурса, осознается социальной группой. В противном случае вытеснение, манипулятивные интерпретации формируют незавершенный сценарий, который принимают потомки. Такие сценарии называют «биографическими схемами» (Т. Лукман), «событийными сценариями» (Ю.М. Беспалова), «моделями жизни» (М. Гершензон). Мы определяем жизненные сценарии, неосознанно передаваемые по наследству младшим поколениям, как **семейные сценарии**.

На микроуровне семейные сценарии начинают воспроизводиться в судьбах потомков (повторения линий жизни старших родственников). Семейные сценарии модальны, неосознанны, событийно замкнуты. Они состоят из 4–5 травмирующих событий, которые повторяются в жизни одного и далее в судьбах последующих поколений. На повседневном уровне люди это объясняют «судьбой», «порчей», «семейными проклятиями». Это формирует невротическое настоящее семейной общности. Незавершенное (вытесненное) событие продолжает свое латентное действие, лишая потомка возможности социальных маневров, возможности выбора собственного будущего, так как его будущее определено выбором предка. В судьбе фиксируется, как правило, неприятное событие, связанное с негативными эмоциями. Например, бедность нескольких поколений сибирского крестьянства может быть объ-

яснена выбором предков, которые отказались от своего зажиточного («кулацкого») прошлого, спасая жизни членов семьи. Бедноте легче было спастись от раскулачивания, но сценарий бедности был передан потомкам в принудительной форме. Парадоксально, но вымирание русской деревни – следствие установки на бедность, закреплённой идеологически и ментально как форма выживания в кризисной ситуации.

Микроуровень семейных сценариев вследствие невозможности его осознать, переосмыслить перетекает на макроуровни, затрагивает более мощные социальные процессы. Программа наследования опыта проявляет свои модальные качества: то, что не пережито, должно быть «возвращено на круги своя», но уже в более жесткой принудительной форме («от судьбы не уйти»).

Семейно-родовая память оперирует следующими конструктами: конструктивным (анализ событий прошлого, основанный на чувствах любви и прощения, необходимых для построения событийной канвы будущего) и деструктивным (вера в предопределенность, попытка волевым решением исправить несовершенство мира и т.п.). Эти конструкты определяют позиции современников, оценивающих свое актуальное настоящее. Первый конструкт снимает груз «ошибок прошлого», открывает горизонты для выбора жизненных перспектив, второй – загоняет человека в матрицу бесконечного воспроизводства семейных сценариев, передаваемых потомкам в качестве модальных неосознаваемых жизненных тактик.

Информация социальной памяти может служить программой для построения будущего с открытыми смыслами, предлагающими потомкам свободный выбор своего настоящего. Структуры будущего строятся на фундаменте памяти. Умение измерять и исследовать процессы социальной памяти призвано найти механизмы, солидаризирующие социальные миры обыденного сознания, научной истины, политики и власти в единое пространство духовной жизни, наполненное здоровой мнемической атмосферой – атмосферой принятия и прощения прошлого, согласия с будущим, уверенности в нем, формирования его новых ценностей и благополучной событийности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб. : Мекет, 1995. 311 с.
2. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
3. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>
4. Лойко О.Т. Феномен социальной памяти. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 255 с.
5. Ребрин В.А. Методологические проблемы социалистического общественного сознания. Новосибирск, 1974. 154 с.
6. Дементьева С.В. Роль и значение реминисценций в постижении ценностно-смыслового содержания социальной памяти : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2000. 24 с.
7. Колеватов В.А. Социальная память и познание. М. : Мысль, 1984. 188 с.
8. Петров М.К. Язык. Знак. Культура. М. : Наука, 1991. 328 с.
9. Знаниецкий Ф. Мемуары как объект исследования // Социс. 1989. № 1. С. 106–109.
10. Пробуца Д. Как императив памяти может стать основой объединения народов // Россия и Польша: долг памяти и право забвения : Междунар. науч. конф. : тез. докл. (Москва, 22–24 октября 2009 г.) / ред.-сост. А.Г. Васильев, Н.А. Кочеляева. URL: http://www.ricur.ru/userfiles/file/Prog_conf_Rus_and_Pol_rus.doc
11. Ретина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
12. Швец Л.И. Философский анализ социальной памяти : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1987. 21 с.
13. Штопка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6–16.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 4 декабря 2013 г.

Modern discourse devoted to collective memory considers sociality as its specific quality, structure, functionality. Family and ancestral memory combines the highest levels of social memory and individual human memory. The author defines the structural characteristics: volume, resource, historical depth, duration, pulses, borders, filters, social code. Understanding of the content of social codes gives an idea of the possible reflection of the social community on the events, provides a degree of success of management decisions. Community's mental resistance is the mismatch of the content of a social code that defines routine daily practice and forced self-reflection as a response to traumatic events or actions of government institutions. This leaves mnemonic traces on the fabric of the social and cultural reality breaking the harmony of the mnemonic community atmosphere. Mnemonic traces are preserved on the micro- and macro-levels and processed in a distorted perception of historical events by community members; it is given to subsequent generations as a social experience. This distortion is socially differentiated and is a social fact, admitting the existence of memory errors, myths, renovations. Due to its operation, it updates the past experience of generations and is a powerful resource for correction of the future. This causes demands for the formation of an adequate memory policy that excludes such strategies as the policy of reproach and oblivion. In this case, the mnemonic atmosphere as part of the community's spiritual environment can be protected from dirt, which allows family and ancestral memory to exercise their creative and preserving functions of transferring social experience to the younger generations. Temporality as an important characteristic of family and ancestral memory determines the attitude of the community to the past, the present collective reflection, which has a direct impact on the future represented by the hypothetical fates of the younger generation. Common experience of a traumatic situation, based on "pure" feelings, not contaminated by the demand of "correct" understanding of the historical situation gives a powerful resource for the viability of future generations from the experience of feelings, actual life strategies. Sensitive attitude to the past generates traumatic family scripts that modally show in the fate of the descendants, who are doomed to an unconscious reproduction of mostly unpleasant events embodied in the fate of the older generations. This deprives the common experience of successful prosperous future, reduces the viability of the younger generations. Moving from the micro-level to the levels of collective consciousness, family ancestral memory forms the fate of the community that, abandoning pure experiences, chooses the path of further disadvantage and social trauma. Reliance on knowledge of resource capabilities of family ancestral memory determines the success of policies and future well-being of the community.

REFERENCES

1. Lebon G. *Psikhologiya narodov i mass*. SPb. : Maket, 1995. 311 s.
2. Khal'bvaks M. *Sotsial'nye ramki pamyati* / per. s fr. S.N. Zenkina. M. : Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 s.
3. Khal'bvaks M. *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'* // *Neprikosnovenny zapas*. 2005. № 2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>
4. Loyko O.T. *Fenomen sotsial'noy pamyati*. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2002. 255 s.
5. Rebrin V.A. *Metodologicheskie problemy sotsialisticheskogo obshchestvennogo soznaniya*. Novosibirsk, 1974. 154 s.
6. Dement'eva S.V. *Rol' i znachenie reministsentsiy v postizhenii tsennostno-smyslovogo soderzhaniya sotsial'noy pamyati* : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Tomsk, 2000. 24 s.
7. Kolevatov V.A. *Sotsial'naya pamyat' i poznanie*. M. : Mysl', 1984. 188 s.
8. Petrov M.K. *Yazyk. Znak. Kul'tura*. M. : Nauka, 1991. 328 s.
9. Znanetskiy F. *Memuary kak ob"ekt issledovaniya* // *Sotsis*. 1989. № 1. S. 106–109.
10. Probutska D. *Kak imperativ pamyati mozhet stat' osnovoy ob"edineniya narodov* // *Rossiya i Pol'sha: dolg pamyati i pravo zabveniya* : Mezhdunar. nauch. konf. : tez. dokl. (Moskva, 22–24 oktyabrya 2009 g.) / red.-sost. A.G. Vasil'ev, N.A. Kochelyaeva. URL: http://www.ricur.ru/userfiles/file/Prog_conf_Rus_and_Pol_rus.doc
11. Repina L.P. *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)*. Preprint WP6/2003/07. M. : GU VShE, 2003. 44 s.
12. Shvets L.I. *Filosofskiy analiz sotsial'noy pamyati* : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. M., 1987. 21 s.
13. Shtompka P. *Sotsial'noe izmenenie kak travma* // *Sotsis*. 2001. № 1. S. 6–16.